

• АНДРЕЙ •
ДОБРОВ

СОСУД ПОРОКА
ГИЛЯРОВСКИЙ И СТАНИСЛАВСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Андрей Станиславович Добров
Сосуд порока. Гиляровский
и Станиславский
Серия «Владимир
Гиляровский», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72497155

Аннотация

Андрей Добров – известный российский журналист, теле– и радиоведущий, публицист, автор информационно-аналитической программы. Читателям предлагается цикл его исторических детективов о знаменитом «короле репортёров» Владимире Гиляровском, человеке высокого интеллекта и тонкой интуиции. Он умел одинаково ровно общаться как с законопослушными людьми, так и с криминальным элементом старой Москвы.

«Сосуд порока» – шестая книга цикла. Гиляровского неожиданно обвиняют в распространении не прошедшей цензуру книги, где рассказывается о его приключениях и в которой знаменитый театральный деятель Станиславский показан с неприглядной стороны. Но удивительно, что Гиляровский не имел к этой книге никакого отношения. Кто и зачем втягивает

его в странную игру со спецслужбами? Читайте подробности в книге.

Содержание

Вступление	5
Глава 1. Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо...	8
Глава 2. Лишь на штыке у часового...	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Андрей Добров

Сосуд порока. Гиляровский

и Станиславский

Вступление

Прошло шесть лет после выхода пятой, последней книги из серии про Владимира Гиляровского. Мне тогда казалось, что окончились повести этого литературного героя. Да, это был не настоящий Гиляровский, просто литературный персонаж. Книги вышли очень небольшими тиражами, которые быстро купили. Пять капель в море современной литературы. Пять капель, растворившихся в этом море без остатка.

Но оказалось, что в нашем мире интерес к историческим... или почти историческим... или просто придуманным героям вызывает большой интерес. Однажды мне позвонили с крупного государственного телеканала и попросили продать права на кинопоказ первых трех книг. Их вдруг очень заинтересовал Гиляровский! Уже после сериалов про Есенина, Вертинского и других героев Серебряного века. Я не смог продать эти права, потому что уступил их другой телекомпании. А два года спустя на экран вышел сериал про Гиляровского. Причем, как и у меня в книгах, Вла-

димир Алексеевич действует как детектив (реальный, не мой Гиляровский никаким детективом не был). Причем не в одиночку, а в паре с другим историческим лицом... точно как в моих книгах. Но главное, в этом сериале я увидел несколько своих выдумок. Например, схватка в подземельях Хитровки, где Гиляровский ранит Болдоху. Схватка в подземельях мне нужна была для остроты сюжета. На самом деле никаких подземелий на Хитровке не существовало. Были ямы, где прятались бандиты. Подземелья – это моя выдумка. Удачная выдумка. Помню, как писатель Николай Свечин удивлялся, откуда на Хитровке подземелья? Он всегда тщательно проверяет по источникам свои данные для исторических детективов, но никак не мог найти эти подземелья. А когда я ему сказал, что подземные ходы с их историей и схемой... все это просто моя выдумка, он расхохотался.

Нет, мое творчество не было изнасиловано. Но над ним поиздевались. И в тот момент, когда я увидел этот сериал, родилась мысль написать еще один роман про Гиляровского. Про него и режиссера Станиславского. Про настоящего Станиславского, а не молодого усатого мальчугана, который был представлен в сериале. И я сел читать про Станиславского.

Конечно, и мои герои – тоже не реальные люди. Но они хоть чуть-чуть поближе к реальности, чем кукольные герои нынешних сериалов. Так что вот вам новый роман, где нет любовной интриги, нет абсолютных злодеев (у них всегда есть какая-то причина для злодейства). Где нет мрачной ат-

мосферы, нет хороших и плохих.

Эта книга не длинная. Она – как конфетка. Конфетка не может быть бесконечной, иначе у вас начнется кариес.

С уважением, Андрей Добров

Глава 1. Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо...

– Снова хотите сделаться сыщиком? – спросил меня Рудников. Городовой Рудников? Вот этот сухощавый полицейский в чине с манерами бешеной креветки? Да нет! Какой же это Рудников! Рудников был здоровый детина с пышными усами, немного глуповатый, но все-таки!

Я открыл глаза. Белый потолок с лепниной, люстра с черным проводом, уходящая к стене – совсем недавно заменили керосиновые лампы электрическими. Но зато по вечерам светло, хотя и свет какой-то механический, нереальный. Но работать можно. Пошарил рукой по столику у кровати, нашел табакерку и нюхнул. Вздуродораженные глупым сном мысли потихоньку начали правильно укладываться в извилины. Все хорошо, ранняя осень, на дворе солнышко, птички все еще поют, жена на кухне говорит со служанкой... видать, завтрак готовит, мне спешить некуда. И даже телефон не звонит. Красивый, шведский, хотя и почти бесполезный телефон, потому что разобрать речь собеседника можно только по наитию. То есть в Москве ничего не происходит, тишь да гладь, да Божья благодать. Можно просто накинуть мой любимый персидский халат, сунуть ноги в тапочки и... Увы, именно в такие светлые дни и происходит какая-то га-

дось!

Звонок. Не телефонный. Кто-то жал на дверной звонок. Да и не просто жал. Не робко, а как будто с силой топил кнопку, будто требовал – скорее откройте, откройте немедленно, иначе я просто изойду бешенством тут у вас на третьем этаже! Быстро затопала служанка, стукнула дверь, и слышался мужской голос. Требовал меня. Немедленно! С яростью! Я быстро сел на кровати и накинул рубашку.

Дверь приоткрылась и в комнату просунулась голова Маши.

– Сейчас штаны одену, – буркнул я. – Кто там?

– Станиславский. Волосы дыбом, глаза сверкают. Чуть не трясется. Ты что-то натворил?

Я недоуменно пожал плечами.

– Похоже, ты его сильно обидел, – сказала Маша.

– Да чем я его мог обидеть? Мы и не виделись. Что за ерунда?

Одевшись, я накинул сверху пиджак, чтобы не представлять совсем уж в домашнем виде. И вышел в прихожую.

– Ага! – крикнул Станиславский. – Вот и он! Автор, так сказать!

Выглядел он действительно странно. Длинное лицо было перекошено, большая нижняя губа вздымалась тараном. Вообще Константин Сергеевич был аккуратист, с красиво уложенными седыми волосами и пышными усами. Говорят, по ночам он фиксировал их особой масочкой, а утром ума-

щивал парижским лосьоном. Но на данный момент Станиславский был похож на яростного вепря. Шляпу сжал в кулаке, седые волосы торчали, усы взъерошились.

– Здрасьте вам пожалуйста, – ответил я. – Может, позавтракаете?

– Завтракать? Да мне кусок в горло не лезет!

Я пожал плечами и пошел в гостиную, где прислуга уже ставила кофейник и тарелки с бутербродами.

– Вам с сыром? Или с ветчиной? – спросил я. – Кофе или чай?

– Какое кофе! Какой чай! – крикнул Станиславский, ввалился за мной в гостиную, снимая пальто и бросая его прислуге, потом размашисто упал на стул. Заломил руки, помотал головой, потом уронил эти руки на стол и понурился. Ага. Актерская игра! Злой, да мастерства не теряет. Я никогда не мог понять, кто он в данный момент – актер, режиссер или все-таки богатый купец, один из совладельцев золототканой фабрики.

– Так что случилось-то? – спросил я, усаживаясь напротив и принимая от жены чашку с чаем.

– Что же вы, Владимир Алексеевич! Как же можно издавать книгу со мной в главной роли без спросу, да еще и такую глупую!

Я спокойно отпил кофе и спросил:

– Книгу?

– Книгу!

– Какую?

– Что значит «какую»? Вы что, по три книги в день печатаете? Не помните какую? Да вашу последнюю!

– Не издавал я. Писать – пишу. Но после того как в Суцевской части сожгли мою первую книжку, пока опасаюсь вообще что-то передавать в цензурный комитет.

Станиславский поднял большие глаза и с сомнением посмотрел на меня. Потом взял бутерброд с колбасой, нашел служанку взглядом и попросил чаю.

– Не издавали?

– Нет.

– Книгу про то, как мы с вами расследовали какое-то убийство индуса на Хитровке?

– Нет, конечно. Да и какой индус на Хитровке? – удивился я. – Там людей много, как вы помните, но только индусы там не живут. А что делать индусу на Хитровке? Это же рабочий рынок. Ну, если бы индус пытался устроиться маляром или кровельщиком... Ну, стены бы клал... по-индуски... А жить там. Где? В ночлежках? Среди воров и проституток?

– Вот! – голос Станиславского снова обрел силу трагика. – Вот! Как вы могли написать про то, что я влюбился в проститутку Княжну?

– В кого? В Княжну? Да вы же женаты! – я чуть не расхохотался. – Да Княжне сейчас лет пятьдесят! Или даже больше! Где же вы это все прочитали?

– В вашей книге! – с сарказмом сказал Станиславский. Он нервно откусил кусок бутерброда и начал бешено жевать.

– Я же вам говорю, не издавал я никаких книг.

– С ва... – Константин Сергеевич хотел что-то сказать с набитым ртом, но опомнился, разжевал, вытер усы салфеткой и продолжил. – С вашим именем на обложке. Во всех книжных лавках и магазинах продается. Я в театр ходить не могу! Актеры тут же интересуются, мол, как там у Княжны, где, мол, миловались, у вас или у нее? А как жена относится к этому? Актрисы нос воротят – с проституткой связался. Книппер со мной не здоровается. Немирович качает головой, мол, вот вы какой, не актер, а просто фанфарон! Но, говорит, ничего, зато все билеты раскупят. Теперь, говорит, люди будут ходить во МХТ не Чехова с Горьким посмотреть, а на вас полюбоваться. Скандал какой, говорит, хотя с коммерческой стороны это и неплохо. Актер, режиссер, знаменитый человек, фабрикант, а тут такое... Такое!!!

Тут до меня, наконец-то дошел смысл его рассказа.

– То есть, – грозно сказал я, – вы хотите сказать, что кто-то издал под моим именем книгу?

– Насчет кого-то не знаю. Но Гиляровский в Москве один.

– А что же это за книга?

Я грохнул чашкой о блюдо, пролил немного кофе, не замечая, как Маша подобралась. Станиславский закатил глаза.

– А я вам о чем толкую?

– Где она?

– С собой я ее таскать не буду. Да в любую книжную лавку зайдете, они там первыми продаются. Хватают как пирожки!

Я вскочил и пошел к двери. Станиславский, прихватив еще бутерброд, пошел за мной.

– Извините, не успел позавтракать. То есть книжка точно не ваша?

Я помотал головой. Прислуга снова подала режиссеру пальто. Он был обескуражен:

– А почему же она продается как ваша? А кто же ее тогда написал? И главное – почему про меня? Как такое может быть?

Мы быстро спустились по недавно вымытой лестнице вниз. На улице я повернул налево, свернул за угол и оказался около небольшого книжного магазина. И хотя повсюду в больших вазах стояли свежие цветы, перебить запах старой бумаги они не могли. Внутри книги стояли в десятках шкафов, было очень узко, некоторые полные люди должны были ходить только боком, и то задевая полки.

Маленький толстый хозяин с седыми усами и крохотной бородкой, прямо расплылся в улыбке.

– Владимир Алексеевич! Вам сам бог послал! Уж будьте так любезны, подпишите мне несколько экземпляров. Для меня, для родственников и еще для дорогих сердцу покупателей! И правда дорогих, Владимир Алексеевич, потому что и возьму с них подороже! А как же! С подписью автора!

– Где эта книжка? – грозно спросил я.

– Да вот же, справа от вас!

И действительно, на низеньком столе в углу, под вазой с пышными, хотя и искусственными цветами лежало несколько книг: с моей фамилией, портретом Станиславского (Константин Сергеевич был нарисован просто дьявольски, с усмешкой и ножом в руке) и какой-то ангельской внешности дамы (если ангелы бывают с надутыми губками и сонными глазами). Вероятно так должна была выглядеть Княжна. Лет тридцать назад. И посреди обложки заглавие: «Хитровка. Сосуды порока».

– Заглавие, конечно... Дамы не берут. Зато потом от них горничные и кухарки прибегают, – радовался хозяин магазина. – Все-таки, «Сосуды порока»! Так что по самому краю прошлись! Вы, Владимир Алексеевич, конечно, репортер, но и писательское начало в вас... Ого-го! Да! Прямо ого-го-го! Я сам прочитал за один вечер. Но уж очень непохоже на то, что вы пишете в газетах. Тут вы просто как бы скинули с себя фрак журналистики и окунулись, так сказать, прямо в эти сосуды!

– Да подождите вы с этими сосудами! – Станиславский тронул меня за рукав и осторожно указал на дверь. Я даже повернуться не успел, как загрохотали подошвы сапог.

– Тэ-э-экс, – грянул зычный голос. Не просто зычный. Только у городских такие трубные ноты. – Эй, продавец, Сосуды есть?

– Порока? – Хозяин еще даже не понял, что происходит

нечто из ряда вон. – Вот они, а с ними и автор. Владимир Алексеевич Гиляровский!

В мое поле зрения ворвался городской с жесткими усами и глазами холодными, будто почтенное утро туманное.

– Уж повезло! Михайлов!

– Слушсь!

– Литературу в мешок! Автора в участок!

– Как же так, – вдруг побледнел хозяин магазина, – Почему книги в мешок? Что это за самоуправство?

– А потому как цензора не прошли. А вы продаете. Впрочем... Михайлов, мы сколько лавок прошли?

– Три!

– Три, – кивнул городничий. – И везде нам говорили...

– Что книга цензуру прошла. И мне показывали письмо, – пролепетал хозяин.

– Именно! Липа это. Не было цензуры. Самиздат, можно сказать! Так что вас, хозяин, мы забирать не будем, однако из Москвы пока не уезжайте. А автора с собой возьмем, чтобы он тут литературным саботажем не занимался.

Я схватился за голову! Час от часу не легче!

– Да не моя это книга! – крикнул я.

– Фамилие ваше?

– Гиляровский.

– Ну и отлично. Выходите.

И тут Станиславский снова тронул меня. Пока я отвлекался на городского, актер сумел взять одну из книг, раскрыл

ее и нашел строчку с издателем. Город Тверь, прочитал я, издательство «Петухов и Курочкин».

– Не к добру курица петухом запела, – мрачно сказал я.

Я вышел с городовыми, а Станиславский остался в лавке, просто стараясь не привлекать внимания. Второй городской, Михайлов, закинул мешок с книгами в полицейскую карету, сел и пригласил меня.

– Нет уж, – проворчал я, – лучше пешком пройдуся. Я знаю, тут недалеко. На Большую Дмитровку?

– Точно! – ответил первый городской. – Бывали уже?

– Не без этого.

– По преступной части?

– Да ладно! Я же был криминальным репортером!

– Ну, пошли!

Люди обходили нашу пару – видать не просто так городской ведет мужчину в легком пальто и картузе. Такой, небось, хлыщ, вроде под стражей, а не заметишь – и походя обворует.

– Вас-то как звать? – спросил я.

– Жулькин моя фамилия.

– Да?

– Ага. Городовой, да при этом и Жулькин. Это родителям спасибо. Зато я и жуликам сдачи не дам. Нет...

Сзади послышался совсем близко топот копыт. Это был мой извозчик Водовоз с женой Машей в пролетке. Он пустил кобылу шагом.

– Так... – сказала Маша, наклонясь. – Это что такое? Вы

куда ведете моего мужа?

– В часть пройдемся, – отозвался я. – Дело тут такое. Ненадолго.

– Это как сказать, – заметил городской Жулькин. – Может, ненадолго, а может, и на подольше. Как судья скажет. Может, ночевать вернется. А может, и по Владимирскому тракту пойдет, цепями гремя.

Но Маша даже не обратила на него внимания.

– Обед для тебя готовить? Или сразу в часть принести? – равнодушно спросила жена.

Так-то и не сказать, чтобы ее что-то беспокоило. Однако пальцы сильно сжали бортик пролетки.

– Лучше собери-ка мне вещи. Мне потом надо будет отъехать на день или два. И не беспокойся, это я уже по своей воле.

– Хорошо.

Водовоз взглянул на меня и сказав только:

– Держись, Лексеич, Бог не выдаст... – он посмотрел на городского, – свинья не съест. – Хлестнул лошадь и покатил прочь, увозя мою жену.

Глава 2. Лишь на штыке у часового...

А башни Тверской части уже возвышалась над крышами двухэтажных домов. Мы пересекли подъездной путь и вошли внутрь. Жулькин отметилсЯ у конторки и повел меня к следователю. На его обшарпанной двери висела табличка: «М. Е. Тон-Подольский. Следствие».

– А что такое М и Е, Михаил Евгеньевич?

– Евграфович, – разъяснил Жулькин. – Он это дело о ваших книжках расследует.

Гулко постучав и дождавшись разрешения войти, городской ввел меня в кабинет, назвал мою фамилию, а потом по приказанию следователя, вышел.

Тон-Подольский сидел за небольшим столом. Он был толстый и лысоватый, одетый в штатское. Маленькие серые глаза смотрели скучно. А рядом на стуле сидел не кто иной, как Рудников с Хитровки.

– А-а-а... – зарычал Рудников. – Вот и Гиляровский, мать его растак!

– Не выражаться, – произнес Михаил Евграфович. – Здравствуйте... э-э-э... Владимир Алексеевич.

– И вам здравствуйте, – ответил я. – Что, стоя разговаривать будем или присесть разрешите?

Михаил Евграфович протяжно вздохнул.

– Встань, Рудников, уступи место.

Городовой нехотя поднялся.

– Надеюсь, в камере отсидишься, – и погрозил мне пудовым кулаком.

– И вообще идите, – проворчал следователь. – Потом вас вызову.

Рудников пошел к двери и как бы случайно задел меня боком, но я даже не шелохнулся.

– Ишь, выставил меня каким фанфароном в своей книжке, – пробасил Рудников и вышел, так шибанув дверь, что чуть не посыпалась штукатурка. А штукатурка тут могла посыпаться в любую минуту – здание было старое, давно его никто не чинил.

– Очень он на вас обижен, – сердито сказал Тон-Подольский, пока я занимал стул. – Вы и правда изобразили его чуть не полицейским маньяком.

– Напрасно вы это, – заметил я. – Книгу-то писал другой человек. Я к ней отношения не имею.

– Да что вы говорите! – Михаил Евграфович вытащил из портсигара папиросу и положил ее на стол. – Вот посмотрите сами.

Он достал из верхнего стола ящика книгу.

– Чье имя на обложке? Ваше. Почему же не вы писали?

– А вот не я. И сам удивляюсь, как она в продажу попала. Да еще и мимо цензурного комитета.

– И мы удивляемся. Все хозяева книжных магазинов говорили, что к ним приходил некий человек, показывал письмо от цензоров и предлагал на пробу эту книгу.

– И они брали.

– А вы на заглавие посмотрите. Конечно, брали. С таким заглавием будут быстро брать. Да еще и автор – человек известный.

Я хмыкнул.

– Михаил Евгеньевич...

– Евграфович, если позволите.

– Точно, извините. Михаил Евграфович, вы же знаете, наверное, что я журналист. А вот как писатель... Ведь мою первую книгу изъяли и сожгли.

– Поэтому в этот раз вы и попытались издать книгу без цензуры, не так ли?

Ох, снова-здорово, куда ни поверни, но следовательно, похоже, твердо верил в то, что именно я автор книги.

– Да я ее даже не читал!

– Так любой сказать может. Мол, и не знаю, про что там.

– Ну проведите обыск в моей квартире! И нигде там записей таких не найдете. Ведь и черновики должны остаться...

Тут следовательно закипел!

– Вы за дурака меня держите, милейший? Да если бы я издал такую книгу, то уж конечно бы заранее выбросил все черновики. Мол, приходите, ищите! А я вам скажу вот что. Думаю, с деньгами у вас не очень. Вот и решили подзарабо-

тать. Тиснули книжку, подделали письмо цензурного комитета у прощелыг, раскидали по лавкам и просто ждете, когда деньги собрать. Чтобы по долгам расплатиться. А меня уверяете, что вообще не автор и никакого отношения к ней не имеете! Я вас, сейчас, милый мой, в камеру отправлю, вы там подумаете, а потом и сознаетесь! Ну-ка, говорите точно, вы автор?

– Нет! – крикнул я.

Тон-Подольский схватил колокольчик и не зазвонил, а просто затрещал им. В дверь просунулась голова Жулькина.

– В Бутырку его! Сей же час! И чтобы я его тут больше не видел!

– Есть!

Городовой ворвался в комнату и схватил меня. Я мог бы в одно мгновение освободиться, но решил, что не стоит бороться с ним. Еще и это дело пришьют. Навалившись на стол, я посмотрел Тон-Подольскому в глаза и прошипел:

– Ух, я же запомню это, Михаил Евгеньевич!

– Евграфович!

– Пошли, – нервно пробасил Жулькин. И я пошел с ним к дверям кабинета. Надеюсь, что Михаил Евграфович и не заметит, что выложенную книгу я спрятал под пальто.

В той же карете мы доехали до Бутырки. Вышли у внешних ворот. Часовой открыл нам калитку.

– Тюремщика позови, – сказал городской. Часовой достал

свисток, который висел у него на груди и свистнул два раза.

– Что, – спросил я у Жулькина, – много ли в камерах людей?

– Многовато, – кивнул тот.

– И меня вот так, без следствия, туда и бросят?

– Ну... ровно на время расследования, – пояснил Жулькин. – А то вы и уехать можете. Вон, и жену попросили вещи для вас собрать... Сами-то никогда в Бутырском замке не были?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.